

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

4. ПРАВИЛА ИГРЫ

1. НЕ КРИЧИ, УМИРАЯ...

Враца встретила нас дождем. Скалы кутались в облака, и высокие черепичные крыши казались выше гор. У стеклянных дверей гостиницы яркий стенд: черная летучая мышь с красным крестом между крыльями. Первая в Болгарии международная школа по спасению в пещерах. В октябре 1988 года здесь собрались представители девяти стран мира, чтобы обсудить проблемы спасения в кейвинге. Франция, Италия, Бельгия, Куба, Греция, Венгрия, Чехословакия, естественно – Болгария, и – совсем неестественно – Советский Союз. Мы пожинали первые плоды перестройки: делегация советских спелеоклубов впервые за долгие годы появилась на столь представительном форуме, причем по собственной инициативе и без участия официальных структур.

Интересно нам, и мы, чувствуется по всему, привлекаем всеобщее внимание. Советский кейвинг, в течение многих лет отгороженный от всего мира, приоткрыл двери в Большой Свет.

Наша команда наиболее представительна и численно: здесь спелеологи Каунаса, Рустави, Симферополя, Сочи и Усть-Каменогорска.

Мы с Любой второй раз за границей, за всю нашу уже не очень маленькую жизнь. Люба как-то была по путевке в Венгрии, я – как-то родился в Болгарии в незапамятные для меня времена...

Мы знакомимся с объехавшими полмира французами, итальянцами, бельгийцами и не чувствуем зависти. Нам просто хорошо здесь среди своих со всего света...

Мы приехали на Школу не прохладиться. В программе две мои лекции – единственные советские лекции, и приятно, что этой чести удостоен именно я, представитель такого далекого Усть-Каменогорска.

Конечно, кроме прочего, причиной тому известный интерес со стороны БФПД (*178). Болгарским спелеологам хочется из первых уст услышать, что случилось с их коллегой на Кырк-Тау, что вообще произошло, и как нам удалось все то, что удалось.

Понятно, что я немного волнуюсь. Впрочем, благодаря Резвану, мне не впервой выступать перед интернациональной аудиторией. В прошлом году на международном спелеосимпозиуме в Тбилиси (*179) было гораздо труднее. Тогда мы впервые заявили о советской SRT и ее перспективах в исследованиях высокогорного карста. Доклад (*180), который я читал по материалам только проведенных нами победных SRT-экспедиций в КиЛСИ и Снежную, иллюстрируя слайдами с видами Бзыби и Зеравшана, судя по доброжелательным улыбкам зарубежных коллег, был достаточно наивен, если смотреть с высот мирового кейвинга.

Что ж, мы это прекрасно понимали, но ощущая эту лучистую доброжелательность, чувствовали себя прекрасно. С чего-то ведь надо начинать! И дебют вполне удался.

* * *

Тбилисский симпозиум оставил о себе много сильных впечатлений. Одна дорога туда чего стоила! До сих пор вздрагиваю, вспоминая.

Билеты на самолет я заказал заранее. И все получалось очень удачно: вылетаю утром из Усть-Каменогорска в Ташкент, встречаюсь с друзьями, а рано утром – в столицу солнечной Грузии.

В те времена летать приходилось часто, и обычаи аэрофлотовские (*181) мне были хорошо знакомы. Поэтому я никогда не отваживался приезжать впритык к регистрации, а тем более, к посадке. Запросто можно было остаться без места или влететь в другую непредвиденную неприятность. Так что в аэропорт я прибыл заблаговременно.

Регистрацию объявили вовремя, но с посадкой почему-то медлили и, наконец, объявили-таки задержку на целых два часа. Не сказать, что я очень расстроился – время было раннее, утро в разгаре. Наверно поддавшись очарованию этого так много обещающего осеннего утра, я совершил большую стратегическую ошибку в вечной войне с Аэрофлотом – я поднялся на второй этаж аэропорта, сел на свободную лавочку и достал дорожный детектив. Ясно, в чем ошибка?

Ну, конечно! Искушенный в общении с Аэрофлотом пассажир не удалился бы от посадочной секции и на полметра, на сколько бы часов ни откладывали рейс.

...Через час я начал заинтересованно посматривать в сторону репродуктора, Но никаких объявлений относительно рейса на Ташкент я не так и не услышал. Потому что, спустившись к справочному, узнал, что... мой рейс улетел двадцать минут назад.

Если сказать, что у меня подкосились ноги – это ничего не сказать. Следующий рейс на Ташкент уходил только через полтора суток. И даже улетев в столицу Узбекистана, как я мог рассчитывать на место до Тбилиси? Транзит пропал безвозвратно...

Ужас, отчаяние и бесконечная горечь охватили меня.

Можете ли вы себе представить, мой Замечательный Читатель, что значила для меня, заштатного спелеолога из провинции, эта поездка на МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ?

Вокруг меня теснились собраты по несчастью – не только меня подвела доверчивость, а я чуть не плакал от досады и безысходности.

* * *

Спасение имело облик невысокого чернявого кавказца с живыми неуступчивыми глазами человека, знавшего, с какой стороны подступиться к жизни.

– Слушай, дарагой. Что будем делать? Лететь надо.

– Куда лететь-то? Нет самолетов на Ташкент...

– В Чимкент лететь надо. Там доберемся как-нибудь. Всего сто километров ехать будем. А?

Самолет на Чимкент уходил вечером. Плакала моя надежда встретиться с друзьями-узбеками. Да и сама возможность попасть на Симпозиум все еще рисовалась мне весьма призрачной. Хотя... По расчетам мы должны были прибыть в Чимкент за 7 часов до вылета моего рейса на Тбилиси. Можно было успеть!

С трудом дожидаясь вечера, и вот мы с моим товарищем по несчастью в воздухе. Самолет идет на Чимкент через Алма-Ату, и мне это очень не нравится. Знаю я все эти посадки-высадки.

С каждым часом настроение все более садится. Мы задерживаемся в Алма-Ате, мы чуть ли не на пузе ползем по ночному небу, черт бы побрал!

– Далетим, дарагой! Нэ переживай.

* * *

...Чимкент. Мы, наконец, вырываемся из-за загородок летного поля в город. Два часа ночи... Два часа ночи! У меня всего пять часов до вылета из Ташкента.

Бегим через строй таксистов, что с непривычной для Усть-Каменогорска назойливостью вылавливают обреченных пассажиров – транспорт не ходит! Я начинаю подозревать Аэрофлот в сговоре с этими ночными извозчиками: он наверняка в доле. Иначе зачем бы самолеты всегда прибывали в самое неудачное для пассажиров время?

– Куда едем?

– В город едем?

Все такие услужливо-нахальные.

– В Ташкент кто отвезет?

- В Ташкент?
- В Ташкент хочу.
- Вон там, на площади посмотри. Там отвезут.
- Неужели это возможно?
- Выбегаем с моим кавказцем на площадь. Белые "Жигули".
- В Ташкент везешь?
- Можно. Сколько вас?
- Двое.
- Семьдесят.
- ...!

Моя месячная зарплата на станции юных туристов - 162 рубля, а авиабилет Усть-Каменогорск - Ташкент стоит 36...

- ... С каждого по 35.

Переглядываемся. Чувствую, что мой кавказец тоже не в восторге от расценок, но деваться нам некуда.

- Годится.
- Садитесь.
- Слышь, друг, у меня через пять часов самолет из Ташкента. Надо быть к регистрации.
- Будем.

Черт! Деньги - это сила. Не окажись у меня злополучных тридцати пяти рублей (отсутствие которых, кстати, заметно подорвало мой командировочный бюджет, ну, да и черт с ними!), не окажись у меня денег - сидеть бы мне в этом поганом Чимкенте. А так - едем!!!

Ночная дорога, все сто двадцать асфальтированных километров до узбекской столицы, остаются в памяти шелестом шин, светом фар встречных машин, и еще ночными ритмами группы "Мираж" из автомобильного магнитофона.

Наш молчаливый ангел-грабитель изредка перекидывается парой слов с напарником, и мы ввинчиваемся в не по-октябрьски теплую южную ночь, километр за километр - пока перед нами не воссияли ярко освещенные пригороды Ташкента.

Смотрю на часы и не верю глазам: эти километры мы сделали за полтора часа! Кажется, не хуже самолета получилось...

Мы ворвались в город и... заблудились. Ярко освещенные улицы пустынные, как после чумы. Ни человека, ни машины. Ни указателей. Как проехать в аэропорт?

...Мы уже полчаса мотаемся по идиотски безлюдным проспектам и переулкам. До самолета остается всего два часа. Поставить на карту случай, почти победить и потеряться в городе - что может быть нелепее?

Наконец, видим одиноко приткнувшуюся к тротуару машину, подъезжаем спросить дорогу и нарываемся на милиционера, который плотоядно пытается запрячь нашего водителя в ремонт колеса своего ментовского "Жигуленка".

Чудом вырываемся из ментовских лап и устремляемся в указанном направлении.

В моем дневнике "Тбилиси-87" есть такие строчки:

"...Вошел в аэропорт и через 30 минут объявили регистрацию на Тбилиси. Уже в самолете начал верить, что все переживания кончились. За все время не ел, не пил, стакан кофе и беляш в Ташкенте..."

Запомнилась мне та дорога. Но она стоила того, чтобы за нее побороться!

* * *

Теперь Враца. За окнами туманный Балканский пейзаж. Брусчатка мокрых мостовых навеивает уютное чувство старой сказки. Серое, набрякшее дождем небо. Да-а... Во всякой игре свои правила.

* * *

Год назад, в июле 1987-го, такое небо нависло над Кырк-Тау. Совершенно поразительная для Зеравшана, какая-то прямо-таки кавказская погода.

А настроение отличное! Ведь мы впервые самостоятельно проводим международную экспедицию.

На Снежной мы прекрасно поработали с болгарами, но их приезд организовали старооскольцы. А известно, что гораздо проще провести экспедицию, чем ее подготовить.

Кажется, и эту науку мы постигаем успешно. В пещеру идем снова с болгарскими коллегами, на этот раз из софийского клуба "Академик". Болгарской группой из двух человек руководит наш старый знакомый по Снежной – мой пещерный брат Филип Филипов – Фил Фикус. Его товарищ – Стефан Хаджианастасов – маленький крепыш прямо-таки бандитской наружности. И только глаза выдают мечтательную натуру, добрый нрав и слегка пессимистическое восприятие этого мира.

Наша цель – КилСИ. Теперь уже без дураков, без рывков на дно по необорудованным отвесам, а по всем правилам от начала до конца.

В нашей восточно-казахстанской команде тоже некоторые изменения. Нет с нами весельчака-гитариста Володи Кочетова. Засосали мирские дела. Его место занимает усть-каменогорец Ержан Аюпов. И впервые на дно Киевской пойдет казахстанская женщина – моя жена Люба.

Люба, Любушка, Либенз...

"Старожилы" – Коля Бердюгин и Валера Королихин, не устают удивляться капризам погоды. Да и мне дождливая Средняя Азия в диковинку. Всматриваясь в задернутый сплошной облачностью хребет, куда нам предстоит подниматься, невольно радуемся, что большую часть груза уже подняли наверх наши вспомогатели-школьники из моей юношеской секции, возглавляемые Ержаном.

И вот – снова подъем над звенящей лентой Камангарана, знакомая до мельчайших изгибов тропа. И в паршивой погоде есть своя прелесть – по холодку идет несравненно легче. Даже изредка налетающий мелкий дождик не портит предвкушения близкой встречи с полюбившейся пропастью. Теперь уже скоро.

Часто, в минуты дороги, вглядываясь в лица товарищей, я стараюсь заглянуть в будущее, хотя знаю, что тщетно.

Если знать, что будет завтра, сохранили бы мы решимость пройти выбранный в незнании путь?

Ступили бы на тропу, зная, что ждет нас в ее конце?

* * *

Подземная база на глубине -650. Только что мы вернулись со дна. Все измучены длительной работой. Спальный мешок – олицетворение счастья. Я засыпаю последним. Сквозь парашютный полог палатки едва светит огонек моей карбидки. Обычно на ночь я выключаю воду, но не гашу огонек, давая ацетилену выгореть до конца. Рядом в четырехместном спальном мешке неровно дышит в тяжелом сне наша интернациональная команда.

Где-то за пределами палатки, в дальнем углу зала слышится легкое позвякивание металла. Это начинает подъем по 90-метровому колодцу тройка Королихина. Парни уходят, мы остаемся.

В этой экспедиции все сложилось не так, как планировали. Начиная с погоды.

В принципе, до сих пор нам вполне успешно удавалось справляться с появляющимися одна за одной неурядицами. Главная задача выполнена – всем запланированным составом мы побывали на Дне, и дошли до него по всем правилам SRT, без поблажек самим себе. Осложнения, скомкавшие намеченный график, начались на подъеме. Все пошло кувырком, но вот мы, наконец, в базе, куда же поднято снаряжение, парни поднимаются на поверхность. Мы справились, и все должно встать на свои места.

Сон наплывает все настойчивее, и в какой-то момент я позволяю себе провалиться в забытие. Сон мой, видимо, короткий, но глубокий. Не успев провалиться, я уже начинаю выкарабкиваться на поверхность, томимый

беспокойством, стремительно нарастающим откуда-то извне. Неудержимо растущий, физически ощутимый свист захлестывает меня и все вокруг сокрушающим шквалом...

Ветер??? Он обретает страшную силу!

Откуда в пещере ветер?! Он валит, подминает палатку, опрокидывает окружающее с гулом реактивного самолета!..

Меня охватывает страх. Скованное сном сознание рвется из его липких лап. Не понимаю, что происходит. Ужас пытается ворваться в дрожащий мозг, превратиться в панику.

Я уже не сплю. Рядом кто-то хрипло и страшно кричит. К счастью, вокруг не полная тьма – моя карбидка все еще теплится, и в ее призрачном свете все же что-то видно. Судорожно ищу очки, путаясь в облепившей лицо паутине мокрого капрона рухнувшей палатки. Наконец-то – вот они!

Теперь найти свет поярче...

Кричит Фил – это его голос. Все кричат разом, но в голосах Стефана и Любы нет боли, и только Фил стонет жутко, как-то по-животному, с придыхом.

– Что случилось? Где болит? Где? – это Люба.

– О-охх! Бок... О-о-ох! Ноги...

Наконец, нашариваю каску. Включаю налобник – яркий свет разрывает тьму. Глазам предстает картина чудовищного разрушения. Наполовину высунувшись из палатки, вижу, что полиэтиленовый тент обрушен, палатка повалена, и в ее чреве беспомощно барахтаются контуры фигур.

Все еще ничего не понимая, выбираюсь из развалин, босиком впрыгиваю в сапоги: босиком спать теплее, да и носки лучше сохнут в спальнике.

Первые действия инстинктивны, как безусловный рефлекс. Мозг еще силится понять происходящее, а тело уже работает, совершая, кажется, единственно логичные действия.

Прежде всего, пробую поднять и поставить на место палатку и тент, чтобы освободить своих товарищей и увидеть, наконец, что произошло. Не получается – какая-то тяжесть противостоит моим усилиям. В конце концов, мне удается приподнять переднюю стенку палатки и закрепить ее на глыбе. Теперь вход в базу открыт, и я могу заглянуть в ее нутро.

– Что случилось?

– Что-то ударило сверху!

Все страшно возбуждены.

– Филу плохо...

Но что это? Что?

Если бы камень – то нам конец. Это не камень.

Это "что-то сверху". Что может быть сверху?..

Там поднималась двойка Королихин-Аюпов. Это они!

Мысли скачут, прыгают в разные стороны.

– Наверху-у! – ору я, и в этом крике освобождается сдавленная страхом энергия.

* * *

Ержан Аюпов поднимался последним в двойке. На его долю достался увесистый транспортный мешок с веревкой, которую они с Валерой сняли с колодцев по пути со дна. Битком набитый мокрым французским "Беалом" (*182) толстенный болгарский транспортник, килограммов на пятнадцать. Трансрепа у Ержана не оказалось, и он подвесил мешок на обычный репшнур, привязав его к беседке каким-то узлом.

Потом он и сам не мог вспомнить – каким...

Это даже хорошо, что они начали подъем, не остались в подземном лагере. После затянувшегося спуска с поверхности на Дно с навеской нижней части пещеры, первая четверка сильно устала, особенно Люба.

Почему задержались? Сначала тщательно били крючья, перемерзли, потом трудно шли на подъеме.

Первая группа еще только возвращались со Дна, как им навстречу прокатила, соблюдая график, тройка Королихина. По готовой навеске Ержан, Валера и Стефан буквально упали на Дно и даже с попутной выемкой снаряжения поднялись в лагерь под Большим колодцем слишком рано – первая группа еще не успела отдохнуть после 18 часов работы.

Накладка в ПБЛ (*183) – это всегда печально.

Что было делать?

В лагере семерым не разместиться. Поэтому решили перекроить составы. Шеф предложил троим, кто посвежее, идти наверх, остальным спать в базе. На том и порешили.

Из первой четверки почти сразу начал подъем на "девяностку" Коля Бердюгин. Он шел налегке, так как...

Хм, действительно! Бердюгин шел на своеобразный рекорд: он начал спуск с земли, дошел с забивкой крючьев и навеской веревок до Дна и вот теперь, без сна и практически без отдыха, поднимается на поверхность. Этакий бросок на глубину километра!

Вместо него в базе оставался подуставший Стефан.

...Увлеченный своими мыслями, Ержан незаметно поднялся до уступа, разделяющего этот самый большой колодец Пропasti на две неравные части. Меньшая – метров в 30–35, далась довольно легко. Верхний, больший, отвес был занят поднимавшимся первым Королихиным. Судя по колебаниям веревки у влажной коричневой стены, Валера был уже где-то на самом верху. Ержан пристегнул самостраховку к перилам, пристроил мешок за косой камень на краю площадки и посмотрел вниз.

Далеко внизу яркой точечкой горел огонек. Кто-то оставил включенной карбидку. База спряталась за огромной глыбой, и сверху угадывался лишь маленький краешек подсвеченного изнутри тента. И то сказать: 35 метров – добрых 10–12 этажей!

– Свободно! – донеслось сверху.

Значит, Валера вышел из колодца, и можно двигаться выше. Стоя на полке, Ержан подмерз, хотя ожидание не длилось больше пяти минут. Сказывалась усталость после донного выхода.

– Сейчас согреемся! – сказал Ержан и резко начал подъем, чувствуя, как с каждым движением по телу разливается желанное тепло. Тяжелый мешок ритмично болтался под ногами, иногда мягко ударяя о стену.

Ержан прошел уже метров 20, когда неведомая сила неожиданно буквально подбросила его вверх. Он не сразу понял, что произошло, и, только дернувшись для дальнейшего подъема, ощутил непривычную легкость – мешка не было! И тут же леденящий душу свист – даже не свист, а густой шип, все поднимая тональность, наполнил колодец.

Глухой удар обо что-то внизу ("Полка!" – мелькнула догадка), и снова гул падающей бомбы...

Удар. Он потряс колодец, эхом взлетел вверх.

И потом этот крик внизу, полный безысходности и боли...

* * *

Мешок накрыл палатку. Практически это было маловероятным, так как палатка стояла довольно далеко от трассы подъема под прикрытием высокой глыбы, и падающие в колодец случайные камни всегда ложились вдалеке от лагеря. Об этом достоверно сообщают белые звездчатые следы их ударов. Но удар о полку в середине колодца, видимо, роковым образом изменил траекторию мешка.

Если бы мешок упал стоймя на кого-нибудь из спящих, последствия можно предсказать без труда. Но транспортник ударил плашмя, поперек палатки, травмировав троих из нашей четверки. Стефану ушибло левую руку, Любе – левое

бедро, но главный удар достался Филу, лежавшему между ними – серединой мешка в левый бок.

Стефан выбирается из палатки, вдвоем мы довольно быстро сбрасываем с тента мешок, и ставим палатку на стойки. Любу бьет сильная дрожь. Фил стонет не переставая.

– Наверху-у! – ору я. – Не двигаться! Ждите!

Нырряю в палатку.

– Что у тебя?

– Все... Живот... Ноги... – Фил приподнимается на локте, глаза с расширенными черными зрачками полны ужаса. – Дай банку...

Правильно, надо проверить, есть ли кровь в моче...

Крови нет. Это уже лучше. Значит, можно надеяться, что внутренние повреждения невелики. Так ли это?

Осматриваем Фила со всех сторон – никаких следов удара. Ни гематом, на опухолей, ни явных смещений, ничего! Отчего же такая боль? Наверно, сильный ушиб. Удар пришелся в левый бок, таз, бедро. Мягкий тяжелый удар...

Что же делать?

В мозгу тикают невидимые часы. Будто кто-то завел их в момент аварии, и теперь они колотят в виски. Время – это жизнь.

– Я не смогу сам подниматься... – говорит Фил почти нормальным голосом. Иногда ему удается пересилить боль, или она просто на миг отступает. – Ноги...

– Наверху-у! – кричу я. – Идите наверх. Нам нужна помощь! Медикаменты! Блоки на полиспаст! Попросите ташкентцев о помощи. КСС не вызывать.

– О-онял! – ватно доходит сверху, откуда тут же начинают шелкать по заслоняющей нас глыбе мелкие камешки и труха. Ребята уходят наверх, уходят за помощью.

Сколько нам ждать?

* * *

Вот уже пять часов сижу у палатки, подогревая воду на гексогазе – сухого горючего у нас достаточно. Остальные в палатке. Фил тихо стонет. Он мерзнет, и Люба согревает его своим теплом. Стефан спит или просто затих в забытии. Самое тяжелое у нас еще впереди.

Полчаса назад заставил их поесть. Всех колотит, влажный спальник не дает тепла. Единственный способ согреться – поесть и двигаться. После возвращения со дна все, как всегда в таких случаях, мокры до нитки. Занимаюсь тем, что сушу на свечках мокрые свитера и гамаша. Отупляющее занятие, но что-то же надо делать! Надо чем-то заняться, чтобы успокоиться, чтобы придумать, что же делать дальше, как поступить. Чтобы переждать эти бесконечные часы до подхода помощи сверху.

Сколько им понадобится времени? Авария случилась примерно в три часа пополудни. Парням подниматься наверх, с глубины –650, самое меньшее часов шесть. Потом собраться, спуститься. В принципе, можно ждать спасателей к полуночи, и это самое раннее...

Все наши – и те, кто идет сейчас наверх, и те, кто лежит в этой перекошенной палатке – уже в крайней степени утомления. Остается надежда на ташкентцев, что, как и в прошлом году, работают параллельно.

Вот так влетели...

Мать честная, какой будет скандал!

Мысли скачут. С трудом заставляю себя додумывать каждую из них до конца.

Значит, скандал? Будем надеяться, что его не будет.

К счастью, наша экспедиция не заявлена через туристскую структуру. Первая международная казахстанских спелеологов проводится "диким" образом.

А ведь мы пытались оформить все официально. Но какой шум поднялся в Алма-Ате, как только увидели нашу заявку! Ка-ак? Иностранцы? А почему с нами не согласовали? Почему не предупредили заранее? (Куда уж раньше – документы пришли

за два месяца, как и положено по инструкции для путешествий высшей категории сложности!)

В Москву документы не пропустили. Хотя не имели права задерживать – не полномочны были решать – разрешать ли путешествие такой сложности.

Не пропустили и все! В полном соответствии с бюрократическими принципами спортивного туризма. Так что ехать нам пришлось без высочайшего разрешения. И вот теперь я начинаю радоваться этому обстоятельству...

... Официальных спасателей приглашать не будем. Что бы ни случилось. Нет смысла – одни издержки. Квалифицированных спасателей для работы на такой глубине в Самарканде нет. Так что все равно доставать придется самим. Зато поднимут вой до самых небес, начнутся бесконечные бумажки, объяснительные, выяснения: кто будет платить деньги за спасы?..

Да-а...Туристская КСС скрупулезно считает денежки, зачастую не вылетая на спасработы, пока не будет выяснен плательщик. Сколько уже было таких случаев!

Единственно, если будет совсем худо – закажем санрейс вертолета...

... Как его вытаскивать? Область таза очень болезненна. А ведь придется надевать беседку – иначе из колодцев не поднять. Носилки здесь бесполезны, они не пройдут в узостях и только затруднят работу. Да и нет у нас таких носилок, чтобы локализовать подобную травму. Что же все-таки у Фила повреждено?

...В пещере холодно, и это хорошо. В холоде воспалительные процессы развиваются медленнее. Главное – не допустить переохлаждения на фоне травмы. Хорошо, что хоть шока нет, обошлось. Глубинной аптечки хватило бы не надолго.

... Глубина –650. Что-то я не припомню спасработ с такой глубины. С такой травмой. А с какой?..

Одно ясно – за один прием мы Фила на поверхность не поднимем. Надо дотащить хотя бы до площадки на –350. Но там в этом году нет лагеря, нет палатки. Значит, надо что-то придумывать и ставить там промежуточный лагерь. Поднимать этот? Проблематично. Надо спускать еще один, с земли.

...Котелок на гексогазе закипает, пыхтит теплым белесым паром.

– Люба, почему не спишь?

– Не могу... Дремлю немножко.

– Поешь. Тут горяченькое. Как нога?

– Ничего. Фил заснул, вроде. Ты бы поспал сам, а?

Наш шепот еле слышно касается перекошенной после удара палатки.

– Я в порядке. А вот ты спи. Постарайся. Вам еще сегодня выходить наверх.

И это тоже представляется мне проблематичным. Вторые сутки Люба без сна.

Как и все мы...

* * *

Верно говорят – беда не приходит одна. Одна ошибка часто влечет за собой другую. Если вовремя не осознать, не принять меры.

В 87 году у нас еще не было штатных трансрепов для транспортировки мешков. Их появление – во многом результат аварии в Киевской. Чтобы никаких узлов, чтобы нечему было развязываться.

Как развязался злополучный репшнур у Ержана? Распустился неправильный узел под действием пульсирующих переменных нагрузок, возникающих при подъеме. Элементарно?

А ведь вопрос "летающих мешков" вызревал давно! Когда у Фикуса в Снежной взорвался транспортный монстр, извергнув в пропасть болгарское снаряжение, карбид и аптечку – это было воспринято, как случайность. Так оно, конечно, и было.

Но в сентябре того же 86 года при штурме Снежной болгаро-адлерской командой снова падает и рассыпается мешок со снаряжением. Падающий со скоростью пушечного ядра примус летит прямо в голову адлерскому спелеологу. Тот успевает заслониться рукой – в итоге перелом. Легко отделался!

В марте 87 года в пещере Торгашинская, пока Мальков занимался акробатикой во входном колодце, другие члены экспедиции тоже не дремали. Усть-каменогорец

Борис Алексеенко заслужил в этой акции законное звание "снайпера-метателя". Сначала на 30-метровом спуске в Большой грот у него отвязалась емкость с водой. Десятилитровый снаряд с гулом ушел в колодец, но в стоявшего неподалеку Виктора Фитисова не попал. Емкость отвязалась точно так же, как сейчас у Ержана – распустился от пульсирующих нагрузок неправильный узел.

Не удовлетворившись промахом, на подъеме по 30-метровому колодцу из "Жуткого треугольника" в Снежный грот Боря повторяет попытку, на этот раз целясь в нас с Кочетовым. Снова отцепился от транспортировочного шнура мешок и снова ни в кого не попал, хотя шарахнулись мы изрядно.

В самом начале этого штурма, в Киевской, у Королихина обрывается на спуске 20-литровая полиэтиленовая емкость с продуктами – модуль. От удара о дно колодца модуль треснул, так что пришлось его оставить там же, где упал, в качестве промежуточного пункта питания.

И вот теперь авария под Большим колодцем.

Когда по возвращении из этой экспедиции мы сели за статистический учет всех аварий, происшедших за время нашего освоения SRT – поразились! Первое место по числу случаев заняли инциденты с падением транспортных мешков.

Кто бы мог подумать?

Ведь боялись, прежде всего, повреждения и разрушения веревок.

* * *

Так начиналась уникальная спасательная акция по оказанию помощи травмированному болгарскому спелеологу и транспортировке его на поверхность с глубины –650 метров.

... В звенящую тишину пещеры, нарушаемую только стоном Фила да успокаивающим речитативом хлопочущей над ним Любы, входит посторонний звук, от которого по нервам пробегает импульс тревожного ожидания смешанного с радостным облегчением. Наши?

Смотрю на часы и не верю своим глазам. Спасатели прибыли через 6 часов после аварии! Как они успели так быстро? Как смогли развить такие скорости передвижения по весьма непростому маршруту?

Вот они – преимущества SRT! И, конечно, сама пещера...

Через несколько минут вниз спускается руководитель ташкентской команды Володя Долгий – Вольд. На уступе готовят полиспагт наш Коля Бердюгин и ашхабадец Сергей по прозвищу Цыганок. Вот и вся спасгруппа. Мало?

Еще двое транспортируют сейчас снаряжение для подземного лагеря на –350. К нашему приходу лагерь должен быть готов принять пострадавшего. Остальные спят на земле в ненастном климате будто взбесившегося Кырк-Тау. Дожди и дожди.

* * *

Что такое спасательно-транспортировочные работы под землей?

Прежде всего, это тяжелый труд. Причем труд, требующий высокой квалификации исполнителей. Здесь нужны опыт, спокойствие, четкое знание тонкостей техники, а еще – умение безошибочно ориентироваться в непредвиденных ситуациях, которые, будто назло, возникают на каждом шагу. И все это под жестким психологическим прессингом обстановки. Рядом человек, которому больно и плохо – он измучен усталостью, холодом и страхом, он не контролирует себя, и его стоны выворачивают душу. А ты не можешь облегчить его страдание ничем, кроме как быстро и грамотно делать свою работу.

И еще надо объяснить пострадавшему, что он должен идти сам.

Да – сам. Если уж не идти, то всеми оставшимися силами помогать транспортировке. Колодцы – это самое простое. Но выше нас ждут меандры, по которым с трудом можно продвигаться боком, а местами нужно ползти. Как по ним нести человека? Как пропихнуть его через сужения хода, через теснины, в которых и здоровому приходится туго?

Если не будет помощи самого пострадавшего, хотя бы тем, что он потерпит, помолчит, стойко перенесет эту мучительную операцию – будет очень плохо.

Вольд осматривает Фила и тоже не обнаруживает видимых следов травмы. На всякий случай делает ему инъекцию анальгина. Потом мы с ним с большим трудом натягиваем на Фикуса одежду, комбинезон, одеваем беседку. Выдержит ли он транспортировку?

Пока мы готовим пострадавшего к подъему, Люба со Стефаном одеваются и начинают подъем по кажущейся бесконечной вертикали 90-метрового колодца. Я провожаю взглядом колышущиеся огоньки во тьме каменного неба.

Только бы они шли быстрее нас...

Вдвоем подносим Фикуса к трассе подъема. Фил может, с трудом, стоять, но вдруг начинает "плыть", чуть не теряет сознание. К счастью, нам удастся быстро и без медикаментов привести его в себя. Подцепляем к полиспастной веревке, Вольд пристегивается к отдельную рапель сопровождающим.

– Пошел!

Остаюсь один на месте разгромленного лагеря. Пока идет подъем, собираю в два мешка кухню, продукты, горючее, медикаменты, посуду, свечи.

Что еще? Теплую одежду из числа запасной, спальник мешок, карабины, батарейки, полиэтиленовый полог, разные мелочи.

Все может понадобиться, но все не унести...

Время размышлять кончилось. Теперь каждый делает свою часть работы, без которой усилия всех остальных могут оказаться бессмысленны.

Нас мало, и эта мысль меня удручает.

С другой стороны, многочисленной командой здесь не очень-то и развернешься. Массированные спасательные работы большими силами, помимо преимуществ, имеют и явные недостатки. Прежде всего – это медленный темп. Хотя, казалось бы, все должно быть наоборот.

Не получается. Ведь спасателям и самим приходится перемещаться по отвесам, подниматься вверх. А обогнать пострадавшего параллельно его транспортировке, чаще всего, не представляется возможным. Чем больше народу, тем больше затраты времени на перегруппировку сил.

И даже если на отдельных участках транспортировка получается быстрее, в целом процесс идет медленнее. Если, конечно, не удастся организовать непрерывную цепочку для передачи пострадавшего из рук в руки...

Длинная же должна быть цепочка с глубины –650!

А нас всего четверо.

Коля с Серегой поднимаются первыми, быстро организуют полиспаст.

Вольд идет сопровождающим. Он поднимается рядом с Филом по дополнительной веревке способом "стопа-колени", чтобы руки оставались свободными. Вольд охраняет Филипа от ударов о скалу, постоянно говорит ему что-то ободряющее, не давая нашему болгарскому другу окончательно пасть духом.

Я волоку все дополнительное снаряжение, жизнеобеспечение, аптечку, свет, лагерь... Этаким подземный грузовичок.

Фил пребывает в духовной депрессии и глубоком упадке сил. Его давит боль, а больше всего – глубина, с которой, как мы все прекрасно осознаем, еще никого на нашей памяти не доставали.

Фил уже расстался в мыслях с землей, со своей невестой, он говорит нам об этом в коротких перерывах транспортировки, когда мы вынуждены ожидать под или над очередным отвесом, пока парни навесят очередной полиспаст.

Когда наступает критическая ситуация, и силы вот-вот должны кончиться – нужна остановка. Тогда я обгоняю ребят, выбираю более или менее удобное место и открываю один из мешков, которые несусь впереди, то следом за группой. Достая гексогаз и быстро согреваю кружку-другую воды. С витаминами, сахаром, шоколадом – горячая жидкость придает всем бодрости. Пока нам удастся удерживать Фила от переохлаждения и смертельного упадка сил.

У меня два мешка: один – с продуктами и кухней, второй – со спальником, полиэтиленом и аптечкой на случай, если станет совсем плохо, и нам придется что-то предпринимать.

Я уже третьи сутки в пропасти, совсем без сна, и потому на мне функции обеспечивающего. Интересно, что я иду довольно хорошо для человека, проработавшим такую немаленькую рабочую смену. Полагаю, что Коле Бердюгину не легче: он едва успел прикимарить в наземной базе, как парни принесли известие о нашей аварии.

Паническая лихорадка в мыслях уже улеглась.

Лучшее средство от тревоги – хорошая работа. Теперь я гораздо меньше беспокоюсь за Фила, несмотря на то, что он порой так кричит, что нервы скручиваются в узлы. Я знаю – мы поднимем его на поверхность, что бы он там ни придумывал.

Но где-то перед нами идут двойкой Люба и Стефан, которые тоже третьи сутки практически без сна, и им помочь мы уже не в силах.

* * *

Вот и еще одно правило той серьезной игры, в которую мы ввязались.

Каждый в этой игре отвечает сам за себя.

Отвечает – значит, несет ответственность.

За свое снаряжение, за технику, за подготовку.

За свои ошибки и промахи.

За свои увлечения и слабости.

Каждый должен помнить, что под землей, а тем более на одинарной веревке – придется полагаться только на собственные силы – до самого последнего возможного, или невозможного, их предела.

Потому что никто не сможет переставлять твои ноги, поднимать твои руки, делать за тебя шаги.

Каждый обречен пройти свой путь сам и не может пройти его за другого.

И нет здесь второй веревки "на всякий случай", которой можно помочь, "поддержать" уставшего товарища. На одинарной веревке поддерживать нечем.

Каждый из нас – один на один с самим собой и пещерой.

Конечно, можно оказать помощь и на одинарной веревке. Но это довольно непросто.

Помощь товарищей – это уже крайняя мера. Это – транспортировка, спасательные работы.

А всякая транспортировка человека по пещере всегда дольше, чем его самостоятельное движение. Дольше и психологически тяжелее для самого обессиленного. Каково сознавать, что ты вдруг превратился в обузу для своих товарищей, что не смог, сломался, выпал из игры, переложив все на чужие плечи?

* * *

...Неужели на спуске мы преодолели этот путь за какие-то пару часов?!

Бесконечно тянутся меандры. На относительно широких и пологих участках кто-нибудь из нас взваливает Фила на плечи, другие подстраховывают транспортирующего веревками.

В сужениях хода продвигаемся боком втроем: Фил висит на наших плечах. С большим трудом он может самостоятельно стоять, но двинуть ногами не в состоянии. И тогда мы руками передвигаем его страшно болезненные ноги, которые норовят зацепиться за каждую неровность пола и стен. Резкая боль от любого неловкого движения заставляет Филипа непрерывно стонать. Часто этот хриплый плач срывается еще заранее, в предощущении неминуемого мучения.

...Мы уже отупели. Мы поднимаем Фила десятый час подряд и перестаем реагировать на чужую боль. Автоматически стараемся причинить пострадавшему как можно меньше страданий. Но душа уже молчит. Она до предела полна усталостью и чужой болью. Есть, оказывается, предел и состраданию...

О том, каково сейчас бедному Фикусу, стараюсь не думать.

Сейчас я представляю из себя робот-автомат, запрограммированный самим собой на безошибочное выполнение технических приемов транспортировки.

Все. На большее сил нет.

* * *

Через 10 часов от начала движения мы поднимаем Фила к лагерю на -350.

Не верится. Кто знаком со спасательными работами под землей, оценит нашу скорость. На площадке, под полиэтиленовым тентом, который остается здесь постоянно, как символ удачи – желтая солнечная палатка ташкентцев! Успели спустить и поставить до нашего подхода!

Последний подъем к палатке. В этом сухом, еще пахнущем поверхностью, лагере Фил немного веселеет. С ним остаются Долгий, Цыганок и Вася, парень из двойки вспомогателей, принесших сюда базу.

Мы с Колей Бердюгиным и вторым вспомогателем – ашхабадцем Володей Кузнецовым продолжаем изнурительное движение вверх.

И теперь я молю Судьбу лишь об одном – как можно дольше не догнать поднимающихся где-то впереди Любу и Стефана. Желательно, до самой земли...

* * *

Что самое мучительное и страшное в жизни?

Мне кажется, это чувство собственного бессилия.

В беспредельном каскаде бесконечных колодцев этой нескончаемой пещерной ночи затерялось время. В паре с Кузнецовым, мы достали Любу и Стефана неожиданно скоро – почти сразу же над 60-метровым колодцем выше ташкентской базы. Это было быстрее моих самых худших ожиданий. Как же им было плохо, если за эти десять часов, пока мы навешивали и тянули бесконечные полиспасты, теряли время на остановки и ожидания – они, следуя налегке, так и не смогли от нас оторваться?

И то, что они дали нам спокойно донести Фила до лагеря, было почти подвигом. Спасибо вам, ребята.

И вот теперь, глядя на тяжело поднимающуюся по очередному отвесу маленькую, бесконечно дорогую мне фигурку, я едва не кричу от подступающего душевного страдания. Я бессилен что-либо изменить. Не в моих силах помочь, облегчить ее мучения.

И я боюсь – боюсь! боюсь!! боюсь!!! – что у Любы может не хватить сил на эти последние 200 метров вертикали.

Мы не спим третьи, нет, уже четвертые сутки. Если не считать Фила, Люба сейчас в самом тяжелом состоянии: крайнее утомление на фоне перенесенного стресса плюс ушиб бедра.

Женщине не место на маршрутах высшей категории трудности. Что бы ни говорили. А ведь я это знал и раньше...

Двести метров! Полкруга по гаревой дорожке стадиона.

Как это мало, если уложить эти метры горизонтально.

И как страшно много, если поставить торчком! Если исковеркать, втиснуть в колодцы и узости, полить водой и вымазать глиной каждый из этих метров, усеять острыми выступами и скальными ребрами, терзающими комбинезон.

Теперь мы идем впятером и отбрасываем в прошлое метр за метром этой вздыбленной беговой дорожки для сумасшедших.

* * *

...Единственное, что я могу, это поддерживать снизу веревку, чтобы она легче проходила через Любин грудной зажим.

В прошлом году здесь, на -175, стояла учебная база для молодежи. Сейчас на этом участке пропасти остановиться негде. До самой земли. Негде переночевать и

восстановить почти истраченные силы. И Люба должна идти сама. Потому что движение – это тепло, а тепло – это жизнь.

Самое страшное, что наша группа постепенно сокращается.

Пока мы шли все вместе – нас было четверо мужчин. И если бы у Любы наступил предел силам, мы смогли бы ее поднимать. Чем бы это кончилось, неизвестно, но мы бы смогли. Сняли бы веревку для полиспаста с первого же колодца...

Но наша группа становится все меньше.

Первым уходит наверх Бердюгин. Стефан кричит сверху, что у Коли скрутило спину. Что ж, триста метров на полиспасте – это чувствуется. Тем более, после безостановочного спуска и подъема на километр.

И нас остается трое.

Через некоторое время не выдерживает и уходит наверх Стефан. Ему труднее, чем мне, – он моложе и еще не умеет экономить энергию. Он быстрее подошел к своему пределу, хотя выспался в лагере на –650 перед спуском на дно. Он замерз и измучился ожидать нас на каждом уступе.

Я молча смотрю вслед уходящим парням, туда, вверх, где медленно поднимается по веревке Люба. Мне нечего им сказать. Каждый сам знает свой предел.

Теперь мы остаемся втроем. Володя держится совсем рядом, и иногда я вижу его встревоженные глаза. Люба идет очень медленно, но идет. Конечно, мы можем начать новые спасработы, даже вдвоем. Мы можем, я в этом уверен, поднять Любу на оставшиеся 150 метров. Но сколько нам понадобится на это времени? И где гарантия, что Люба выдержит этот подъем на полиспастах – не потеряет без активного движения последнее тепло?

Переохлаждение бледной тенью висит над нами.

Смертоносный призрак пещер.

* * *

Что важнее в человеке – силы физические или душевные? Сколько уже раз убеждаюсь в том, что физическое здоровье без душевной силы – что ноль без палочки. Сломить тело невозможно, пока не сломишь дух.

Наш сумасшедший подземный марафон приближается к границе, за которой только неизвестность.

Люба держится. Периодически ее тошнит, и тогда она, шатаясь, припадает каской к мокрой стене. С трудом заставляю ее съесть несколько кусочков шоколада. Я бессилён чем-либо ей помочь, потому что она должна идти сама.

Сама! В этом спасение.

"Люди забыли эту истину, – сказал Лис, – но ты не забывай: ты всегда в ответе за тех, кого приручил".

Это Сент-Экзюпери.

А я в ответе за тех, кто идет рядом. И прежде всего, вот за эту маленькую женщину, что снова упорно движется вверх по очередному отвесу – за свою жену, Любу-Любушку-Либенэ. Потому что не будь меня, она никогда не пошла бы в эту сумасшедшую экспедицию, не занялась бы безумием под названием кейвинг.

И каждый из нас в ответе за каждого.

Не так примитивно, как трактуют официальные правила и законы. Не в формальной ответственности дело, не в бумажном распределении вины.

Уходя в пещеру, каждый обязан помнить, что его личная неудача, так или иначе, отразится на всех.

Каждый промах, если не справишься сам, придется исправлять твоим товарищам. Потому что никто не уйдет, не оставит тебя в беде.

Не должен уйти.

И это тоже правило игры под названием кейвинг.

* * *

Пока идешь сам, пока веришь в свои силы – ты не сломлен. Организм сопротивляется, борется. Дай ему поблажку – и он скиснет.

Пока знаешь, что нужно идти – идешь. Даже если нет сил. Стоит расслабиться, уронить свой груз на плечи других, вверить свою судьбу чужим рукам – не откажут ли собственные?

Мудра старинная сказка про двух лягушек, упавших в кринку со сливками!

Та, что барахталась, сбила масло и уцелела.

Сдавшаяся – утонула.

Шанс уцелеть имеет тот, у кого хватит душевных сил барахтаться до конца.

* * *

Мы "сбили масло" к исходу четвертых суток нашей бессонной работы в пропасти. Призрачный свет выхода ударил по глазам, как тысячеваттные прожекторы. Серый рассвет, серые тени, мертвенная бледность Любы, наши первые неверные шаги по земле.

Этого не забыть никогда.

Вокруг встревоженные лица, заботливые руки ребят-вспомогателей обеих команд: нашей и ташкентской.

Все, мы выбрались. Но даже радоваться нет сил.

Теперь быстро-быстро поест и спать.

Потому что через восемь часов мне снова идти вниз.

Потому что ничего еще не кончено, и там, в затерянной под 350-метровой толщей скалы оранжевой палатке, лежит Фил Фигус.

Мы уже забыли, что среди нас болгары, что есть какие-то Казахстан, Узбекистан...

Мы слились и сроднились в этой круговерти событий.

Сегодня все последующее вспоминается в виде отдельных ярких картин, связанных общим ощущением.

* * *

... В палатке, уже в полузабытьи, чувствую, что не могу заснуть. Болят руки, распухшие, потрескавшиеся, посеченные за четверо суток работы в воде. Галя Калошина достает свою заветную баночку с остатками крема и смазывает мне руки. Ее прикосновения – непередаваемое блаженство.

Проваливаюсь в короткий миг сна, и уже будят, осторожно трясут за плечо.

Пора вставать, надо идти в Пропать.

* * *

... И вот снова веревки, блоки и зажимы полиспастов. Снова работаем вчетвером, сменяя друг друга на веревке. Тянем, как мокрые заводные роботы-автоматы. Сопровождающим, как и прежде, идет Вольд, заряжая всех своим спокойным юмором и несокрушимой уверенностью.

"Ночь" на -350 прошла хорошо, мы больше не делали Филу инъекций анальгетиков. Но теперь новая транспортировка и новая боль.

Навстречу нам спускается группа молодых ребят из числа вспомогателей. Фил страшно кричит внизу в колодце...

Замечаю, как вздрагивает Дима Шалапугин.

– Вот, Дима, – говорю в паузе между вдохами. – Теперь знаешь, чем это может кончиться? Небось, больше не пойдешь?

– Пойду, – Дима упрямо качает головой, и только расширенные зрачки передают его состояние.

Во всеобщей работе легче найти свое место, точку внутреннего равновесия.

Любой стресс усугубляется бездельем и снимается хорошей работой.

* * *

... Мы в пункте питания у нашего треснувшего модуля. Фил сидит на коленях у Долгого и пьет горячий чай. Я кочегарю сухой спирт, на котором одну за одной

подогреваю консервные банки с водой. Вокруг чумазные лица спастгруппы. Мы жадно поглощаем все подряд.

Светло – горят сразу все свечи из модуля. Это создает ощущение какой-то особой, чуть ли не праздничной, обстановки. И даже улыбки появляются на измученных лицах, хотя до земли еще почти полторы сотни метров.

– Не дрейфь, Фил, – усмехается Вольд, его лицо, как всегда, серьезно, и только в глазах искорки. – Скоро свою невесту увидишь!

И Филип впервые слабо улыбается посеребрившими губами.

* * *

... Последние метры – это узкая щель на выходе из пещеры.

Снова серые сумерки – мы выходим на поверхность в 6 утра.

Пять суток назад мы уходили в эту щель здоровые и полные надежд.

Если бы знали, что будет, – пошли бы?

Зачем вообще мы идем под землю?

Что здесь можно найти, кроме мучений?

Все... Неужели мы вышли?

А что должен сейчас чувствовать Фикус?

На эмоции нет сил. И только сознание холодно и как-то отстраненно удивляется – мы управились с транспортировкой за 24 часа, не считая отдыха в промежуточной базе.

И это с минус 650...

... Фотографируемся в рассветной прохладе. Облака, наконец, покинули Кырк-Тау. Или это мы искупили свои грехи перед матерью Природой?

Как посмотреть. Ведь сегодня будет солнце. Огненный Дракон вот-вот выползет из-за кромки плато.

Филу легче, он даже немного ест. Стефан приносит болгарскую "Плиску", и спастгруппа поднимает стаканы за Победу. Фикус обмакивает губы в коньяк. Он умыт, переодет во все чистое и сухое. На теле по-прежнему никаких следов травмы.

Но боль в области живота, таза, ног утихает не надолго. Через полчаса Филу снова становится хуже, и мы понимаем, что надо нести его вниз. Туда, в подернутую знойной дымкой Самаркандскую долину.

Все естество молит о покое. Неужели сегодня мы сможем еще и спуститься с носилками вниз?

* * *

... Нас восемь человек.

Мы несем носилки по четверо, сменяясь через каждые тридцать минут.

Тридцать минут – это наш предел, на большее сил не хватает.

Фил возлежит на своем тряском ложе, как восточный паша. Его краснокожие рабы в поту и пыли ломают ноги на щебнистой тропе.

Нет, Природа не отпустила нам грехи. Она придумала еще большую пытку, выпустив Огненного Дракона именно сегодня!

Мы идем по тропе, и впервые ощущаем, насколько она не приспособлена для транспортировки пострадавших. По тропе ходят гуськом. И ездят тоже. У лошадей и ишаков задние ноги расположены позади передних. Носилки же приходится нести вчетвером в две колеи. Вдвоем на этих скользких крутяках долго не выдержишь. Может быть, в другое время, но не сегодня – после пяти суток работы почти без сна и отдыха.

Тридцать минут – смена.

Как изумительно идти налегке! Сквозь усталость снова подступает тревога – только бы успеть, только бы на этих последних километрах не приключилось еще чего-нибудь.

Внимательно слежу за состоянием Фикуса, который то держится молодцом, то будто уплывает. Но за ухудшением снова идет подъем, он даже приподнимается на

локте и смотрит вниз, в долину, куда налегке, опережая нас, убежал Королихин, чтобы вызвать "Скорую" к началу тропы.

Видимо, у Фила просто сильнейший ушиб. Что может быть еще, если он вторые сутки не испытывает ухудшения?

... Позади четыре часа спуска по раскаленной перекошенной сковородке горных склонов. Нас ждет белая машина с красными крестами и цифрами 03 на радиаторе. Успел Валера!

Фил оживает и сразу же отказывается от уколов, которые предлагает вышедший из машины навстречу человек в белом халате:

– Спид! Нужно разовый шприц!

Разовых шприцов в Средней Азии нет.

– Тогда не надо колоть! Потерплю.

Мы перекладываем Фикуса на больничные носилки, заносим в машину, ждем руку. Двери захлопываются, и скоро только желтая пыль над ущельем говорит об удаляющейся по направлению к Ургуту машине.

С Филом уехал Королихин.

Все.

* * *

... Мы лежим в жиденькой тени под приземистой аркой у начала тропы. Не спим. Даже в нашем состоянии спать в такой жаре не получается.

На душе пусто и серо: нет ни радости, ни тревоги, нет ничего. Полубред-полусон. Нет сил даже встать и пойти к ручью, чтобы напиться.

Делаю немыслимое усилие, поднимаюсь и плетусь к воде. Камангаран принимает в ледяные объятия мои руки, освежает лицо.

Надо как-то скоротать время до вечера – подниматься на плато в такую жару немыслимо.

Возвращается из Ургута Королихин. Филу сделали рентген. Диагноз – тяжелый ушиб таза. И все. Слава Пещерному Богу!

* * *

И последняя картина той трагической эпопеи.

Больница в Самарканде. Заходим втроем: Стефан, я и наш врач Галя Онишевская из Томска. Галка случайно оказалась в Самарканде и без лишних слов взяла шефство над нашим травмированным товарищем.

Шесть часов назад мы привезли несчастного Фикуса в эту больницу. У нас билеты на вечерний поезд до Ташкента, но в ночь перед отъездом Филу вдруг стало плохо. Сказался праздничный банкет, который устроили нашей экспедиции чета Пряхиных – Григорий и Люба, томские спелеологи, волею Судьбы занесенные в Самарканд.

Филу стало так плохо, что мы едва дождались утра – "Скорая помощь" в Самарканде по ночам почему-то не работала.

Прошло уже пять суток с момента аварии. В Ургуте нас заверили, что все в порядке, и вдруг...

И вот мы в кабинете главврача. Ждем. Беспокойство нарастает.

Наконец, входит человек в белом халате с какой-то банкой в руке. Обычная стеклянная банка под полиэтиленовой крышкой.

Человек оборачивается и обводит нас участливым взглядом. Его слова оглушают, как набатный колокол:

– Ваш друг прооперирован. Мы были вынуждены удалить ему селезенку, так как в ней обнаружены множественные разрывы. Видимо, от удара. Кто из вас врач? Вот – смотрите.

Хирург поднимает на уровень лица странную банку, и мы видим, что в ней лежит обыкновенный кусок мяса, окровавленный и неожиданно большой.

– Вот, видите? Разрывы в этой ткани не срастаются. Кроме этого, у вашего друга перелом левой лобковой кости. Сегодня началось кровоизлияние в брюшную полость. Мы поражаемся, как он смог так долго продержаться – пять суток. С такой травмой столько не живут...

– ... Скажите, доктор, что дальше? – язык отказывается повиноваться. Мы в шоке.

– Сейчас опасности уже нет. Парень оказался жилистым и очень выносливым. Через годик снова сможет лазать по вашим горам!

* * *

Через полтора года Фил Фикус встречал нас с Любой в Софии.

Маленький "Трабанд", за рулем очаровательная Росица – жена Филипа. Расцвеченные рекламной улицы в мерцании дождя. Тонкий вкус вина за скромно накрытым столом...

Будто и не было никогда Кырк-Тау.

Будто не провожали мы нашего исхудавшего (57 килограммов показали весы в аэропорту Ташкента!), но веселого друга на родину в Болгарию после месячных больничных испытаний.

Мы сидим рядом, смотрим друг на друга, улыбаемся.

Мы не знаем, встретимся ли когда-нибудь под землей снова.

Мы не знаем, встретимся ли вообще когда-нибудь в этой жизни.

Но тех дней на Кырк-Тау нам не забыть никогда.

Не забыть.

***178 БФПД** – Болгарская Федерация Пещерно Дело

***179** Это был Первый International Symposium of Speleology, проведенный Международным Союзом Спелеологов (UIS) в СССР – и последний.

***180 Резван В.Д., Серафимов К.Б.** "Результаты и перспективы способа SRT в советской технической спелеологии" Сборник материалов Международного Симпозиума Спелеологов "Проблемы комплексного изучения карста горных стран", СССР, Тбилиси-Цхалтубо-Сухуми, 5-12.X.1987" Тбилиси, МЕЦНИЕРЕВА, 1989.

***181** Была такая суперавиакомпания в СССР, о которой говорили: "Хочешь добраться быстро – лети самолетом, хочешь – вовремя, езжай поездом!"

***182 "Беал"** – "Beal", марка веревки, суперстатик, мечта кейвера-вертикальщика тех лет.

***183 ПБЛ** – подземный базовый лагерь.

Константин Борисович Серафимов

"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"

www.sumgan.com